

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Виноградовой Оксаны Николаевны на тему: «Система мифологических мотивов и мифообразов романа Л.Н. Толстого “Воскресение”» (Москва-2021), представленную на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература

Диссертационная работа О.Н. Виноградовой посвящена мифологическим мотивам и мифообразам последнего романа Л.Н. Толстого «Воскресение». Речь о тех «смысловых элементах текста» [с. 10], являющихся **предметом** исследования и относящихся к «мифу, религии, фольклору и литературе», которые «намеренно были объединены в единый интертекстуальный материал» [с. 27] и которые, тем самым, предопределили интертекстуальный же подход к толстовскому роману (**объекту** исследования). Этот подход, хотя он и предполагает выход за рамки изучаемого произведения, способствует его более глубокому постижению. Действительно, в диссертации раскрываются связи «Воскресения», – связи совершенно бесспорные, но далеко не всегда очевидные, – не только с евангельскими текстами, но и с культурой, понимаемой в самом широком смысле, – как духовное наследие всего человечества. Отсюда не только сомнению не подлежащая **актуальность** диссертационной работы, но и, что особо хочется подчеркнуть, созвучность с поисками Толстого, для которого, как об этом свидетельствует, например, его статья «Что такое религия и в чём сущность её?» (1902), «истинная религия» в основе своей синкретична, универсальна: «Для нас эта истинная религия есть христианство, в тех положениях его, в которых оно сходится не с внешними формами, а с основными положениями браманизма, конфуцианства, таоизма, еврейства, буддизма, даже магометанства» (35, 190). Поставленные диссертанткой **цель** и **задачи**, предполагавшие освещение мифологических мотивов романа, а именно мотивов танатологических, сотериологических и эсхатологических, можно считать выполненными. **Научная новизна** диссертации состоит в том, что при рассмотрении романа задействован именно мотивный анализ, который, к тому же, осуществлён последовательно и на высоком профессиональном уровне. **Теоретическая значимость**, являющаяся следствием научной новизны, состоит в существенном расширении исследовательского круга интересов, вследствие чего хрестоматийное произведение, которое, казалось бы, досконально изучено, предстаёт в новом свете. Диссертация состоит из введения, заключения, трёх глав и библиографического списка.

В главе 1-ой диссертации изучаются мотивы танатологические, и она состоит из трёх разделов. В разделе 1.1. «Мотив смерти», где обсуждается лишь одна настоящая смерть – смерть купца Смелькова, под смертью в первую очередь понимается смерть символическая, точнее, смерть духовная,

т.е. жизнь неправильная, та жизнь, представляющая собой, пользуясь выражением из трактата «О жизни», «плотское личное существование, которое не может быть жизнью» (26, 343). И опознавательным знаком этой неправильной, плотской жизни выступают два мотива – вестиментарный (мотив одежды) и ольфакторный (мотив запаха). Эти мотивы предполагают «инверсию», состоящую в следующем: те персонажи романа, которые в нравственном отношении можно определить как угасающие, потухшие, «одеваются ярко, красиво, вычурно» и, к тому же, «приятно пахнут», в то время как у их антиподов «одежда преимущественного белого цвета» [с. 39].

Между тем Катюша Маслова, главный женский персонаж, всегда одета в белой одежде, по крайней мере, в печатной редакции романа. Кроме того, её имя-отчество Екатерина Михайловна означает «чистая, равная богу» [с. 44], а фамилия через мифологему масло «соотносится со многими ритуальными обрядами» [с. 44], в том числе, с возлиянием масла как жертвы [с. 215]. Поэтому «в антропонимике главной героини, безусловно, прослеживается мотив умирания божества (мотив страдающего бога) и мотив жертвы» [с. 44]. Мотив умирающего божества имеет непосредственное отношение и к главному мужскому персонажу – Дмитрию Нехлюдову. Для подтверждения божественности Нехлюдова приводится его княжеский титул, точнее французское слово *prince* (имеющее два значения: «князь» и «первейший»), которое в составе словосочетания *le prince des apotres* означает «князь апостолов» [с. 54]. Вдобавок с учётом произошедшей перемены («в начале романа «князь» – мертвый, богатый и неразумный, в финале – живой, раздавший своё имущество, приблизившийся к совершенству» [с. 56]), проводится параллель с первоверховным апостолом Петром, отречение и покаяние которого «имплицитно повторяются в образе Нехлюдова» [с. 56].

В этом же разделе фамилия «Нехлюдов» объясняется посредством «французского сочетания *ne clouté*, что дословно переводится как *не подбитый гвоздями!*» [с. 59] и, следовательно, в образе главного героя обнаруживается мотив «лошадиный», с которым корреспондирует, в том числе, такая деталь, как дворняга Полкан, скончавшаяся накануне второго приезда героя в Паново.

В разделе 1.2. «Онирические мотивы» прослеживается связь мотива сна с мотивом смерти. Если сон «в античности трактовался как приобщение к божественным знаниям» [с. 65] (добавим, сходную функцию можно выявить в ряде произведений Толстого), то в романе «Воскресение» сонное состояние на деле подразумевает смерть духовную. Недаром диссертантка подчёркивает [с. 67], что до прихода на судебное заседание Нехлюдов, по его слову, «спал» (32, 129). Очнулся Нехлюдов (проснулся ото сна) только на суде, погрузившись в воспоминания о прошедшем. Показательно, что в финале романа после чтения Евангелия он «не спал всю ночь» (32, 444).

В разделе 1.3. «Мотив суда», где анализируется суд над Масловой, приводятся два мотива, сближающие героиню с умирающим божеством, с

евангельским Христом. Во-первых, орнитонимический мотив «голубь» [с. 77]. Во-вторых, мотив безвинной жертвы: Маслову признали виновной вопреки тому, что председатель суда был уверен в её невинности (параллель к Понтию Пилату) [с. 86]; к тому же Маслову осудили в пятницу (отсылка к Страстной пятнице) вместе с Бочковой и Картинкиным (переключка с двумя разбойниками на кресте) [с. 85].

Стоит привести переплетение двух мотивов – смерти и суда [с. 82], выражением чего является наличие в зале суда кресел с «дубовыми резными спинками» и «точеной дубовой решетки» (32, 25). Дело в том, что дуб символизирует смерть физическую (фразеологизм «дать дуба»; поверья, согласно которым Христос был распят именно «на дубовом кресте»).

В главе 2-ой изучаются мотивы сотериологические, и она состоит из трёх разделов. В разделе 2.1. «Сочетание мотивов блуда и спасения» автор диссертации снова обращается к божественности Масловой, о чём свидетельствуют два евангельских мотива [с. 92]: мотив незаконного рождения и мотив спасения младенца. В то же самое время Толстой «пародирует место рождения Христа (ясли, где был скот) и обращение к нему христиан как к Спасителю: Маслова, родившись в *скотной*, стала называться барышнями *спасенной*» [с. 92]. На божественность Масловой может намекать как то, что она – наподобие Зевсу – шестой ребёнок [с. 93], так и то, что её воспитывали тётки (пусть это и тётки Нехлюдова): ведь будущего Будду воспитывала как раз тётя [с. 93]. Положение, согласно которому «мотив блуда и мотив спасения почти сливаются» [с. 97], объясняется тем, что блуд Масловой открыл глаза Нехлюдову, что и привело к изменению их жизни.

В разделе 2.2. «Мотив пути» рассматривается «важная сторона личностного религиозно-философского мифа Толстого», а именно «тезис о том, что только практической деятельностью ради других можно приблизиться к Богу» [с. 106]. Вот почему «чем больше Нехлюдов хлопочет о других, тем ближе к нему становится Маслова, и тем явственней герой переходит из смерти в жизнь» [с. 106]. В этом же разделе диссертантка обращается и к арестантам, среди которых особое место занимает Крыльцов, призывающий к уничтожению и являющийся полной противоположностью положения о непротивлении злу насилием: «Евангельская метафора о том, что у того, кто верует в Христа, “из чрева потекут реки воды живой” (Ин. 7:38), чудовищно реализуется в бытовой ситуации, когда Крыльцов <...> захлёбывается собственной кровью» [с. 217].

В разделе 2.3. «Мотив искушения/испытания» на основе двух эпизодов, первого поцелуя Катюши и Нехлюдова и соблазнения Катюши Нехлюдовым, выделяется мотив полового влечения (влюбления) [с. 124], в структуру которого входят несколько других взаимосвязанных с ним мотивов. Это, к примеру, два вегетативных мотива – сирень и крапива [с. 126], а также мотив воды (проливной дождь в день второго приезда Нехлюдова в Паново) [с. 127].

В главе 3-ей изучаются мотивы эсхатологические, и она состоит из 4 разделов. Основой раздела 3.1. «Мотивы подземного и божьего царства» является то умаление, уподобление детям, о котором упоминается в Евангелии («кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном») и с которым Нехлюдов в финале романа соглашается: «Да, да, это так, – подумал он, вспоминая, как он испытал успокоение и радость жизни только в той мере, в которой умалил себя» (32, 440). С этой точки зрения становится понятным пристальное внимание к образам детей, которые «служат маркерами того, насколько сильно в обществе взрослых проявляется божье царство» [с. 145].

В разделе 3.2. «Мотивы воскресения/воскрешения» снова приводятся доводы в пользу божественности главной героини. В первый свой приезд к тётушкам в Паново Нехлюдов относился к ней как к богу: «как только Катюша входила в комнату, <...> всё для него как бы освещалось солнцем» (32, 45). А во время второго пребывания у тётушек, по ходу пасхального богослужения в церкви, Нехлюдов пришёл к выводу, что Катюша – «центр всего» (32, 55). Этот же пасхальный, точнее, евхаристический мотив роднит двух писателей, Толстого и Свифта, которые при описании таинства евхаристии прибегли к методу «остранения» [с. 164-166].

В разделе 3.3. «Мотив воды» приводится известнейшее положение Толстого о текучести человека, содержащееся в дневниковой записи от начала февраля 1898 года, а в «Воскресении» представленное посредством афоризма «люди как реки» (32, 194). Именно мотив воды позволяет провести параллель между творчеством Толстого и Востоком, поскольку «изменчивость, “текучесть” – главный мотив китайской “Книги перемен”», а «путь Дао в даосизме – путь воды: “Великое Дао течёт”» [с. 175]. Кроме того, мотив воды, который просвечивает сквозь «семантику прописных (заглавных) букв фамилий главных героев» [с. 176], «взаимодействует практически со всеми мотивами произведения» [с. 222]. Например, с ольфакторным мотивом: несессер Нехлюдова во время второго пребывания у тётушек полон «фиксатуаров и духов» (33, 25), которые на деле являются символами «оскудения души» [с. 222], т.е. суррогатами воды. Переосмысление евангельского чуда о превращении воды в вино – ещё одна отличительная черта мифопоэтики «Воскресения». Маслова в публичном доме Mariette – убедительный пример того, что вода может не просто загрязниться, а стать ядом.

В разделе 3.4. «Мотив откровения (благой вести)» в центре внимания находится толстовская версия 18-ой главы Евангелия от Матфея, которая оборачивается призывом к непротивлению злу насилием, к всепрощению, с неизбежностью приводящими к отрицанию суда и какого бы то ни было культивируемого государством «закономерного возмездия» (32, 413). В этом призыве – самая суть «личностного мифа» Толстого, его «благая весть» [с. 202].

Вышеприведёнными выдержками отнюдь не исчерпываются тончайшие наблюдения диссертационного исследования О.Н. Виноградовой, являющегося образцовым примером вдумчивого комментирования целого ряда элементов содержания (т.е. мотивов) романа, которые далеко не всегда привлекают внимание исследователей, но которые ещё как способствуют раскрытию его системы смыслов. В том-то и несомненное преимущество диссертации, что в качестве **результатов**, весьма значимых в научном отношении, можно привести и другие «точки пересечения» романа с всемирной культурной сокровищницей. Например, орфический сюжет [с. 73, с. 150-152], музыкальный экфрасис [с. 139-140, с. 159-160], в особенности, мотив нумерологический. Так, в разных частях мира значение числа 5 меняется: а) в Японии это число является «буддийским символом совершенства; б) в Китае – «символом центра мира»; в) «мусульмане считают, что в основе их религии лежат пять столпов: вера, молитва, паломничество, пост, милосердие» [с. 113]. Загвоздка в том, что в финале «Воскресения» Нехлюдовым-Толстым, если можно так выразиться, выписывается ПЯТЬ рецептов. Если же обратиться к числу 7, которое символизирует «невинность» [с. 47], то говорит само за себя время суда над Масловой: на СЕДЬМОМ месяце её пребывания в тюрьме.

Посредством числа 10, которое, помимо прочего, в Китае «использовалось иногда как эмблема брака» [с. 89], продемонстрируем то, что sporadически в диссертации роман Толстого отодвигается на задний план. В свете того, что в «Послесловии» к «Крейцеровой сонате» (1890) Толстой категорически отверг промискуитет и первую интимную связь («первое падение») объявил «единственной» и даже «вступлением в неразрывный брак» (27, 90), внимания заслуживают не все случаи употребления числа 10, а только те из них, что относятся одновременно к Масловой и Нехлову. Во-первых, в суде они встретились 10 лет спустя их последней встречи. Во-вторых, первое их свидание в тюрьме было назначено на 10 часов утра. В-третьих, на первом свидании она попросила у него и получила 10 рублей [с. 89].

Подобный «уход» от романа зримо наблюдается и в формулировках 3-ьего и 4-ого из положений, выносимых на защиту, где мотивы выступают некими самодостаточными сущностями. Однако говорить о мотиве в отрыве от персонажа или события возможным не представляется.

Бросается в глаза, что в библиографическом списке отсутствуют две работы о романе «Воскресение», авторами которых являются В.А. Жданов и В.Б. Ремизов.

Отмеченные замечания несколько не влияют на общую **положительную оценку** и не уменьшают колоссальный объём выполненной работы и бесспорное достоинство диссертации, представляющей собой весьма серьёзное и перспективное исследование, которое вносит существенный вклад в изучение такого аспекта романа «Воскресения», исследователями всё ещё недостаточно рассмотренного, как мифологические

мотивы. Апробация результатов осуществлялась на 9 научных конференциях. Автореферат и 13 публикаций диссертантки, среди которых 7 помещены в изданиях, рекомендованных ВАК, с достаточной полнотой отражают содержание диссертационного исследования.

Диссертация Оксаны Николаевны Виноградовой «Система мифологических мотивов и мифообразов романа Л.Н. Толстого “Воскресение”» является законченной и самостоятельной научной работой, которая полностью соответствует критериям «Положения о присуждении учёных степеней», утверждённого постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 (пункты 9-14), а её автор заслуживает присуждения ему учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – «Русская литература».

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОППОНЕНТ:

кандидат филологических наук (научная специальность 10.01.01 – русская литература), старший научный сотрудник Отдела экскурсионно-лекционной работы Федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный музей Л.Н. Толстого»

15.12.2021 г.

Коста Солев

Коста Солев

Против включения персональных данных, заключённых в отзыве, в документы, связанные с защитой указанной диссертации, и их дальнейшей обработки, не возражаю.

Контактные данные:

тел.: +7 (909) 663-56-79

e-mail: kostasolev@rambler.ru

Подпись Косты К.
Заведующий
Механиков Д.И.
не сох.

Адрес места работы:

119034, г. Москва, Пречистенка ул., д. 11/8

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственного музей Л.Н. Толстого»

Тел. организации: +7 (499) 766-93-28; официальный сайт организации: www.tolstoymuseum.ru; e-mail организации: info@tolstoymuseum.ru

С основными публикациями К. Солева можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки www.elibrary.ru. Режим доступа: https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1061521&pubrole=100&show_refs=1&show_option=0